Фольклор и антропология города, Т. 7. N. 4. 2025
Тип публикации: Статья
EDN: MUGDVC

Аффективные карты Гадрута: к вопросу о методологии

НОНА РОБЕРТОВНА ШАХНАЗАРЯН[1], [2]

✉ nonashahnazar@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1409-3626

АНИТА ХАЧАТУРОВА[2], [3]

ORCID: 0009-0001-0709-2628
[1] Институт археологии и этнографии, Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
[2] Центр независимых социальных исследований, Ереван, Армения
[3] Свободный университет Брюсселя, Брюссель, Бельгия

Для цитирования статьи:
Шахназарян, Н. Р., Хачатурова, А. (2025). Аффективные карты Гадрута: к вопросу о методологии. *Фольклор и антропология города, 7*(4), 92–126.

Статья посвящена применению метода аффективного картографирования в исследовании памяти, утраты и пространственного воображения среди вынужденных переселенцев из Гадрутского района Нагорного Карабаха после войны 2020 года. Исследование, проведенное в Ереване и Степанакерте в 2022 году, было направлено не на анализ нарративов, а на понимание самого процесса рисования как формы воспоминания. Участникам предлагалось нарисовать «свой Гадрут» — не географически точный, а эмоционально насыщенный образ города, каким они его помнят и переживают. Рисование карт сопровождалось устным рассказом, в котором прошлое соединялось с настоящим моментом высказывания и переноса себя *туда* и *сюда*. Этот процесс позволил наблюдать, как телесные и эмоциональные воспоминания оживают через действие, превращая память в событие.

Мы предлагаем рассматривать такие рисунки как *идиопространства* — личные топографии памяти, аналогичные идиолектам в языке. Каждая карта представляет не только индивидуальный взгляд на город/село, но и способ вновь пережить и артикулировать связь с местом, утратившим материальное присутствие. Метод аффективных карт, таким образом, позволяет реконструировать эмоциональную географию повседневной жизни до утраты и понять, как социальная память формируется через жест, рассказ и соучастие. Аффективное картографирование выступает как гуманитарная и исследовательская практика, в которой личное воспоминание превращается в воображаемое возвращение и повторное переживание дома.

Ключевые слова: аффективная карта, Гадрут, память о месте, переселение, утрата, Нагорный Карабах

Мы выражаем глубокую признательность Размику Паносяну за его ценные замечания. Мы также признательны Елене Никифоровой за сотрудничество во

время полевых исследований и за ее ценные комментарии к первым версиям рукописи. Особую благодарность выражаем анонимным рецензентам ФАГ за их важные замечания и предложения. Авторы выражают признательность НПО «Дизак Арт» и Манвелу Саргсяну за помощь в организации полевой работы. Настоящая статья является результатом исследовательского проекта «Ментальные карты Гадрута», финансируемого Институтом армянских исследований Университета Южной Калифорнии в рамках программы «Будущее Карабаха» (Елена Никифорова также принимала участие в этом: https://societyforarmenianstudies.com/2021/11/18/future-of-karabakh-usc-institute-of-armenian-studies-call-for-research/). Анита Хачатурова получила финансовую поддержку FNRS-FRESH в рамках финансирования ее докторского исследования.

Дата поступления в редакцию: 28.12.2024
Дата рецензирования: 14.10.2025
Дата принятия к публикации: 06.11.2025
© Н. Р. Шахназарян, А. Хачатурова

Urban Folklore & Anthropology V. 7. N. 4. 2025
Publication type: Article
EDN: MUGDVC

Affective maps of Hadrut: On methodology

NONA R. SHAHNAZARYAN [1], [2]

✉ nonashahnazar@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1409-3626

ANITA KHACHATUROVA [2], [3]

ORCID: 0009-0001-0709-2628
[1] Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (IAE NAS RA), Yerevan, Armenia
[2] Center for Independent Social Research Armenia (CISR Armenia), Yerevan, Armenia
[3] Free University of Brussels, Brussels, Belgium

For citation:
Shahnazaryan, N. R., Khachaturova, A. (2025). Affective maps of Hadrut: On methodology. *Urban Folklore & Anthropology, 7*(4), 92–126. (In Russian).

The article discusses the use of *affective mapping* as a method for studying memory, loss, and spatial imagination among displaced residents of the Hadrut district of Nagorno-Karabakh after the 2020 war. Conducted in Yerevan and Stepanakert in 2022, the study focuses not on analyzing interview data but on understanding the act of drawing as a form of remembering.

Participants were invited to draw "their own Hadrut" — a subjective and emotionally charged image rather than a geographically precise one. The drawings were accompanied by storytelling, where the past intertwined with the present moment of narration and moving back and forth. This process revealed how bodily and emotional memories re-emerge through action, turning recollection into an embodied event.

We conceptualize these maps as *idiospaces* — personal topographies of memory analogous to idiolects in language. Each map conveys an individual mode of belonging

and a way to re-experience and rearticulate connection to a place that no longer exists materially. Affective mapping thus enables the reconstruction of the emotional geography of everyday life before displacement and illuminates how gesture, narration, and shared empathy shape social memory. As a humanistic and anthropological practice, affective cartography becomes a space where personal remembrance is transformed into a collective act of imaginative return and re-inhabitation of home.

Keywords: affective map, Hadrut, place-memory, displacement, loss, Nagorno-Karabakh

We are deeply indebted to Razmik Panossian for his valuable comments. We would like to thank to Elena Nikiforova for our cooperation during the fieldwork and for her comments on the first versions of the draft and the anonymous reviewers who made important remarks and suggestions. We also express our gratitude to Dizak Art NGO and to Manvel Sargsyan for help in organizing field research. This article emanates from the research project "Hadrut Mental Maps", which was funded by USC Institute for Armenian Studies, as part of "Future of Karabakh Project" (Elena Nikiforova also benefited from the project — https://societyforarmenianstudies.com/2021/11/18/future-of-karabakh-usc-institute-of-armenian-studies-call-for-research/). Anita Khachaturova benefited from the financial support of FNRS-FRESH, as part of the funding of her PhD project.

I. Контексты

Воображаемое прошлое, депрессивное настоящее и туманное будущее

В этой статье мы обращаемся к вопросу о том, как люди переживают потерю обжитого пространства в результате войны. Мы размышляем, как утрата переживается через призму групповой идентичности, особенно в процессе производства (или воссоздания) значений и нарративов, относящихся к прошлому. Сосредоточив исследовательское внимание на перемещенных армянах из потерянных осенью 2020 года городов Гадрут и Шуши[1], мы дополнили традиционный метод этнографических интервью ментальными картами, концептуализируемыми в настоящей статье как аффективные карты. Наш проект направлен на исследование сложной структуры, многослойности, палимпсеста памяти о травмирующем опыте жителей городов Гадрут и Шуши в Нагорном Карабахе после повторной карабахской войны 2020 года.

В предыдущем проекте, касающемся Шуши, в 2021 году, мы рассматривали концептуальные, ментальные и эмоциональные карты городов через призму личного опыта событий войны с использованием комбинированного метода устной истории и индивидуальных биографий. Результаты исследования вошли к коллективную монографию под редакцией Эвии Карапетян и Тиграна Амиряна «Шуши. Ментальные карты» (2021, переиздана в 2023

[1] Читается также как «Шуша» согласно азербайджанской транслитерации.

году) [Karapetyan, Amiryan 2021]. Ментальное картографирование Шуши было частью совместной инициативы Фонда Генриха Белля и Лаборатории культурных и социальных нарративов в Ереване — и воодушевило нас на новое исследование с фокусом на памяти об утраченном Гадруте. Во время презентации монографии про Шуши беженцы из Гадрута подошли к одному из авторов с вопросом-упреком: «А как же мы? Почему о нас не пишете?». Так родилась идея продолжить исследование, задуманное как лонгитюдное, то есть с намерением повторить его с теми же участниками-беженцами спустя годы. Исследовательский проект «Ментальные карты Гадрута» был поддержан проектом «Будущее Карабаха», инициированным Отделением армянских исследований Университета Южной Калифорнии (США) в 2022 году.

Признаться, мы несколько растерялись, не имея в поле, как нам казалось, строго сформулированной исследовательской цели. Однако было очевидно, что само по себе интересно и важно продолжить исследование коллег Эвии Карапетян и Тиграна Амиряна, фокусируясь на другом материале, Гадруте и селах Гадрутского района — местности, отличающейся от Шуши по географическим, социальным и символическим характеристикам, хотя схожей с ней в одном: оба города служили фронтирами, то есть были фортификациями и локусами урочищ имперской России. Кроме того, мы хотели самостоятельно апробировать метод ментальных карт в связке с привычным нарративным интервью и оценить потенциал этого инструментария применительно к исследованию личной и социальной памяти о недавно утраченных поселениях. Теперь, когда материал собран, нам понятно, что уже сам сбор и архивирование устных и визуальных историй о сообществах Гадрута и об этой местности может служить самодостаточной целью. В нашем распоряжении в итоге оказался корпус из более чем пятидесяти аффективных карт и сопряженных с ними нарративных интервью с жителями Гадрута и деревень Гадрутского района, позволяющий совершить воображаемое путешествие в те места и времена (*тогда и там*, когда и где в Карабахе жили сообщества армян), реконструировать социально-пространственное устройство повседневной жизни ныне рассеянного, лишенного дома сообщества. Более того, открылась возможность реконструировать его в ретроспективе, проследив вместе с нашими собеседниками, участниками исследования, как менялся со временем Гадрут и его окрестности. Кроме того, метод (создания) аффективных карт в сопровождении нарративного интервью открывает путь к реконструкции эмоциональной географии места, что в случае утраченных и недоступных ныне мест/территорий несет в себе особую ценность.

Эта статья сосредоточена на Гадрутском районе ныне не существующего Нагорного Карабаха — регионе с преимущественно

армянским населением, который в начале 1920-х годов был включен в состав Советского Азербайджана решением большевистского правительства и получил статус автономной области (НКАО — Нагорно-Карабахская автономная область). После того как местные армяне потребовали объединения с соседней Армянской ССР, в 1988–1994 годах между Арменией и Азербайджаном развернулась война, в ходе которой сотни тысяч азербайджанцев и армян были насильственно перемещены. После победы армянской стороны в 1994 году Нагорный Карабах существовал как непризнанное государство, а армянские силы расширили контроль за пределы самой области, заняв семь азербайджанских районов вокруг нее (создав, говоря на языке военных, «пояс безопасности»). Война 2020 года вновь запустила цикл насильственного переселения для армян, проживавших в Гадруте, Шуши и на других территориях, перешедших под контроль Азербайджана.

Многие участники нашего исследования потеряли близких во время длительной и многоэтапной Карабахской войны 1991–2023 годов, которую, по их мнению, ошибочно принято делить на «первую» (1991–1994) и «вторую» (2020) войны[2]. Более того, периоды между этими активными фазами не были временем мира: они были плотно заполнены позиционными, или снайперскими, столкновениями, в ходе которых ежегодно погибали люди с обеих сторон. Иными словами, война не прекращалась — она лишь переходила из одной формы в другую, продолжая поддерживая ритм повседневного насилия и неопределенности.

Наше исследование сосредоточено на периоде 2020–2022 годов и посвящено опыту утраты дома жителями Гадрутского района Нагорного Карабаха[3].

Методы и масштабы исследования: *идиокарта* (по аналогии с *идиолектом*)

Мы провели девятидневное исследование в Ереване (19 июня 2022 года) среди перемещенных лиц, проживавших там на тот момент. В Ереване мы собрали 22 интервью (15 женщин и 7 мужчин). 90% интервью были проведены в центре «Дизак-Арт» в Ереване.

[2] Последняя известна как «44-дневная», хотя она продолжалась значительно дольше, меняя формы и методы ведения боевых действий. Завершилась она единовременным исходом примерно 120 тысяч армянских жителей Карабаха. При этом возникает вопрос: куда в этом нарративе исчезает «четырехдневная» война 2016 года, во время которой Азербайджан впервые применил боевые дроны и фактически открыл новую эру в военной парадигме, заложив основу современного технологического типа войны?

[3] Исторически регион включал пять административных районов — Аскеранский, Мартунинский, Мартакертский, Гадрутский и Шушинский, — а также два прилегающих района, не входивших в состав Нагорно-Карабахской автономной области в советское время: Лачинский (Бердзорский) и Кельбаджарский (Карвачарский).

Далее мы поехали в Нагорный Карабах и пробыли там еще десять дней, с 15 по 25 июня 2022 года. Мы провели дополнительно 20 интервью (11 женщин и 9 мужчин) с людьми, на тот момент проживающими в Степанакерте и Мартунинском районе (Мартуни, Мачкалашен). Опрошенные нами люди представляют самые разные профессии, возрастные категории и социальные страты. В некоторых интервью участвовали одновременно несколько членов семьи, то есть имело место создание того, что мы назвали выше групповыми аффективными картами. В итоге мы собрали 42 интервью (26 женщин и 16 мужчин) и более 50 карт.

Участники команды непрерывно обсуждали, как структурировать интервью, задавая себе массу сложных вопросов. О чем мы просили людей рассказать нам, как оформляли и объясняли свой интерес к теме? Что мы просили их нарисовать? Как скоро после того, как они покинули свои дома, мы взяли у них интервью? Могла ли наша постановка задачи как-то повлиять на то, что люди вспомнили? Что они вынесли из наших интервью? Были ли различия в том, как люди разного возраста реагировали на нашу задачу? Различалось ли восприятие потерянных мест у мужчин и женщин, детей, взрослых и пожилых людей? Уже в ходе полевой работы мы ломали голову, как мы будем текстуализировать наши интервью. Мы думали об их анализе на предмет эмоциональных слов, воспоминаний, деталей из прежней жизни, пытаясь найти релевантные системы оценки для такой работы.

Некоторые из заданных участникам вопросов были такими: «Какие у вас были любимые места в деревне / в Гадруте?», «Где ваш дом? Где вы чувствуете себя как дома?», «Чувствовали ли вы себя в безопасности в своем селе / в Гадруте до войны 2020 года?», «Где и когда вы в последний раз чувствовали себя наиболее счастливым?», «Если бы у вас была возможность вернуться в свою деревню, вы бы вернулись? Если да, то при каких обстоятельствах?», «Как долго вы жили в Гадруте / в селе?», «Какое недвижимое имущество вы оставили после вынужденного переселения?», «Может ли вы описать свой район, село, микрорайон?», «Какими маршрутами вы добирались на работу, в школу, в магазины?», «Как война изменила ваше восприятие города?».

Помимо необходимости картирования воспоминаний о Гадруте и — особенно — о селах, эвакуированные подчеркнули важность записи устных рассказов жителей Гадрутского района на их местном наречии (некоторые из них утратили знание русского языка после обретения независимости). К тому же авторы имели разного объема интерес к тем или иным темам. Уже в ходе интервью вырисовывался скелет тематических блоков — отношение к пространству, к разным объектам в пространстве, к диалекту, к технологиям.

С первого дня исследования особняком стояли детские интервью, которые имели место на лужайке «Текеян Центра» в Ереване 1 июня, в День защиты детей, организованный «Дизак Арт» при поддержке спонсоров (речь идет о странном празднике с милитаризованными танцами и не по-детски грустными речами об утратах родни и родины, которые, наверное, никогда не сотрутся из их памяти).

Аффективные карты мужчин часто напоминали картографирование местности с точки зрения ее военной ценности и доступности: где располагались силы, на каком удалении друг от друга (вплоть до метров), какими путями пришлось отступать, как выносили раненных. Некоторые аффективные карты были манифестациями локальной микроистории и микротопонимики. Женщины все чаще детализировали пространство дома или нескольких своих домов и четко прорисованные маршруты из одного в другие, как в карте Армине из села Туми, – дома своего отца, отчима и дома, в который она вышла замуж. Нушик прорисовала аффективную карту необычного расположения своего «отчего дома» и дома в замужестве, на покатых склонах двух расположенных вплотную гор: дома были расположены так, что несмотря на десятки километров удаленности, его жители могли переговариваться друг с другом. И наконец, рисование почти что каждой карты участники завершали мучительным вопросом, задаваемым то ли нам, то ли себе, то ли миру: почему это с нами случилось, как так получилось? Мы отобрали несколько карт для публикации, поскольку, опираясь на опыт предыдущего проекта о Шуши, считаем, что простая публикация карт без их анализа непродуктивна и, более того, дискредитирует сам метод. Для публикации были выбраны в основном те аффективные карты, которые детально воспроизводят разные части утраченных городов (и сел), подчеркивая специфику репрезентации многослойного городского пространства.

Аффективные карты и ландшафты памяти

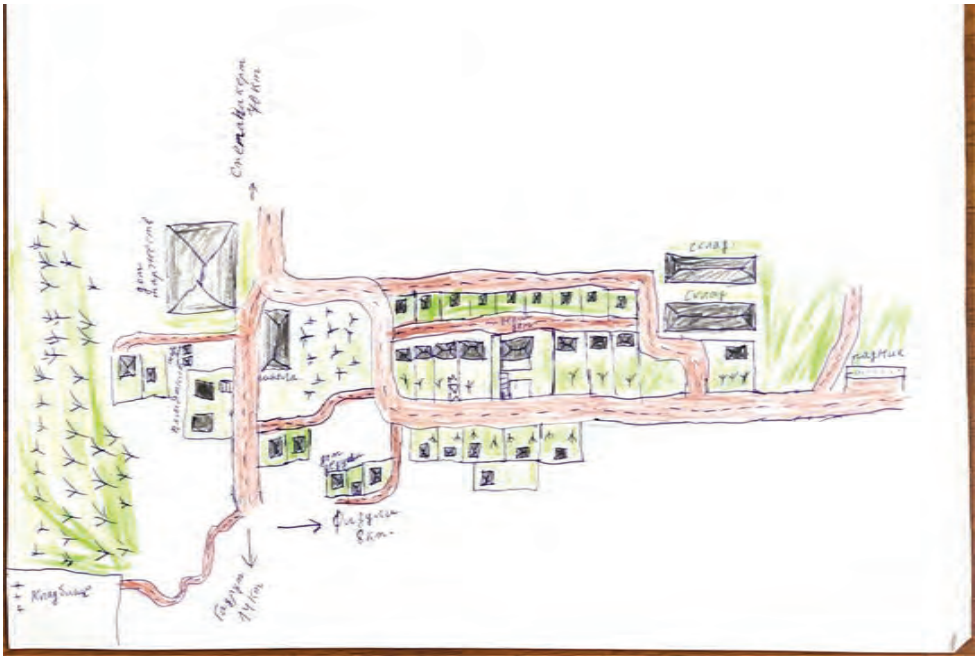
После новой фазы Карабахской войны осенью 2020 года, во время которой жители Гадрута и других районов Нагорного Карабаха были вынуждены покинуть свои дома, стало очевидно, что утрата пространства и принудительное перемещение формируют не только физическую, но и аффективную географию. В этой географии память и ощущения становятся неразделимыми, а исследователь сталкивается с задачей зафиксировать и интерпретировать этот опыт принудительного отсутствия.

Настоящая статья представляет собой методологическое размышление о возможностях и границах аффективных карт как исследовательского инструмента для изучения ландшафтов памяти.

Этот подход вырос из совместного полевого опыта в работе с переселенцами из Гадрута, где визуальные практики — рисование, картографирование, обозначение утраченных домов, дорог, садов, родников — стали способом не только вспоминания, но и политического утверждения локальной памяти в контексте, когда официальный дискурс о карабахской территории менялся и считывался карабахскими переселенцами как вид маргинализации; и одновременно — *процессом коллективного самовосстановления*.

Начиная с декабря 2020 года авторы статьи каждый месяц ездили в послевоенный Карабах с различными целями — как гуманитарными, так и академическими. Несмотря на умеренный скептицизм к эвристичности метода на раннем этапе, метод аффективных карт возник в нашем исследовании не как заранее спланированный инструмент, а как ответ на полевую ситуацию, в которой язык — вербальный, академический, аналитический — оказывался недостаточным средством для описания утраты. После 2020 года в процессе общения с переселенцами из Гадрута стало очевидно, что нарративное интервью часто застревает в молчании, в невозможности подобрать слова и удержать слезы. Люди могли описывать свой дом, двор, улицу, соседей, но за этим всегда стояло ощущение пустоты, немоты, невыраженной тоски. Именно тогда мы предложили участникам нарисовать карты — не географические, а внутренние, аффективные. Это решение оказалось ключевым. На листах бумаги возникали очертания дорог, контуры домов, рек, деревьев, кладбищ, церквей и святых мест, обозначение колодца, гранатовых деревьев, беседки, где когда-то праздновали свадьбы. Иногда участники обозначали «вещи-призраки» (а то и целые «города-призраки») — предметы, которых больше нет, но которые продолжают жить в памяти: снесенные или разрушенные строения, разбомбленные холмы и пригорки, засевшие в памяти в прежнем виде, в котором больше не существуют. Мы заметили, что во время рисования менялась интонация говорящих: жалобы или проговаривание горя превращались в сосредоточенность и даже в светлую меланхолию. Люди начинали вспоминать через тело, через жест, через пространственную ориентацию.

Таким образом, то, что принято называть ментальной картой, стало не просто инструментом визуализации воспоминаний, но формой *аффективного действия*. Последнее соединяет память, телесность и пространство, позволяя участнику восстановить утраченные связи с местом и с собой. Этот процесс особенно важен для тех, кто пережил вынужденное переселение и потерю дома: картографирование становится своего рода ритуалом возвращения, пусть и воображаемого.

Карта 1. Сёма, 23 года, отец троих детей из села Акнахпюр. Интервью взято авторами в июне 2022 года в Мартуни, Нагорный Карабах
Map 1. Syoma, 23 years old, father of three children from the village of Akhnaghpyur. Interview conducted by the authors in June 2022 in Martuni, Nagorno-Karabakh

II. Между ментальной, аффективной или спектральной картой

О позиционировании авторов

Опираясь на статью Аниты Хачатуровой «Антропология утраты: исследование спектральных карт перемещенных армян из Гадрута, Нагорный Карабах», мы вводим различие, но и взаимодополнение понятий спектральной и ментальной карты. Хачатурова определяет *спектральные карты* как визуальные практики, где присутствие отсутствующего проявляется через следы, пустоты и тени [Khachaturova 2025:12]. В этих картах исчезнувшее пространство проступает как призрак памяти — оно не принадлежит больше физическому миру, но сохраняется как эмоционально заряженное, интуитивно узнаваемое место. В ходе наших совместных полевых работ стало очевидно, что процесс рисования таких карт активирует не только когнитивное, но и эмоционально-телесное измерение памяти: участники практически ощущают запахи, звуки, свет — сенсорные маркеры утраченного мира.

Развивая эту идею, мы рассматриваем *ментальную карту*, или, как мы называем ее, *аффективную карту*, как процессуальное рас-

ширение спектральной. Если спектральная карта фиксирует тень, то аффективная позволяет произвести пространство заново. Она превращает мертвую зону потери в зону действия, взаимодействия и воображаемого возвращения. В этом смысле аффективная карта — не просто документ утраты, но и жест сопротивления забвению, акт локального производства знания, где в котором уязвимость превращается в силу.

Вслед за статьей Хачатуровой [Khachatirova 2025], в которой были впервые концептуализированы спектральные карты как форма визуализации утраты, мы развиваем этот подход, смещая акцент с анализа содержания карт на сам процесс их создания, который *per se* превращается в результат. Если в концепции Хачатуровой спектральность подразумевает присутствие отсутствующего — теней, голосов, следов, проступающих сквозь линии и пустоты на бумаге, — то в данной статье мы рассматриваем, как акт рисования становится перформативным жестом памяти, в котором исследователь и участник производят пространство заново и в котором работа над *своей* картой может расцениваться как результат, если судить по произведенным эффектам и природе интеракции между исследователем и участником исследования.

Таким образом, мы трактуем карту не как продукт, а как *процесс совместного производства знания*, в котором соединяются телесное, эмоциональное и пространственное измерения. Это делание карты активирует латентные воспоминания, телесные ориентиры, забытые маршруты, превращая травматическую память в аффективный ландшафт, поддающийся осмыслению и обсуждению.

Внутренняя[4] и внешняя партнерские позиция[5] исследовательниц формирует методологическую оптику, основанную на совместном свидетельстве. Это позволяет не только увидеть границы личного и коллективного, но и понять, как визуальные практики памяти становятся пространством этического взаимодействия. Этическое взаимодействие предполагает сопереживание и способность совместного, разделенного между участниками исследования и исследовательницами аффективного опыта.

Наши исследовательские вопросы следующие: как метод аффективных карт позволяет визуализировать и осмыслить потерю родного места, дома в контексте вынужденного переселения гадрутцев? Каковы возможности аффективных карт и что они добавляют к прочтению (и анализу) нарративных интервью

[4] Нона как исследователь-инсайдер и соучастник.

[5] Анита как аспирантка Свободного университета в Брюсселе (родом, корнями из Гадрута) проводила неоднократные полевые исследования в Нагорном Карабахе.

О терминологии: лиминальность

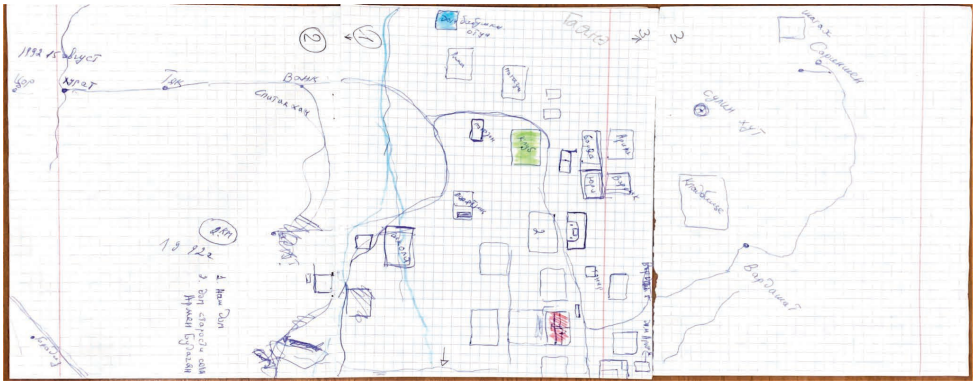
В процессе исследования авторы осознали, что картографирование пространства помогает не только вербализовать и понять сложный географический и геополитический паттерн, но и пунктирно очертить контуры новых Я, то есть переопределенных, пересмотренных, переосмысленных идентичностей в контексте измененного *status quo* (подробнее см. [Khachaturova 2025]). Значение кристаллизации вопросов исследования и «зонтика» терминов для методологической статьи трудно переоценить. То, как мы определяем понятия, будет формировать данные, которые мы собираем. В этом смысле аффективная карта помогает определять понятия (например, в каких терминах говорят об утрате и переживании сами участники) соответствующим эмическим способом, делая выпуклыми тончайшие нюансы собранного материала. Тем самым аффективная карта как инструментарий социальных наук затрагивает как методологические, так и эпистемологические, и эмпирические, и экзистенциальные аспекты исследований.

Аффективные карты — это рисунки, которые люди производят на основе своих воспоминаний (место к моменту нашего исследования уже утрачено) об окружающем их *тогда* мире, его эмоциональном восприятии. Аффективные карты раскрывают личный опыт людей в пространственном мире. Они проецируют повседневную жизнь на бумагу.

Аффективные карты могут быть составлены из двух основных источников — коллективного опыта проживания в определенной области (воплощенного в социальных нормах и стереотипах) и индивидуального опыта, связанного с личным прошлым. Мы использовали аффективные карты, чтобы узнать воспоминания эвакуированных об их городе. Наши респонденты прорисовывали планировку своего жизненного пространства и отмечали места, которые они считают важными, значимыми или запоминающимися. Исследователи, использовавшие аффективные карты (2021–2022 годы), собрали воспоминания жителей Шуши и Гадрута о своих родных городах, а затем сравнили эти воспоминания с официальными картами. Их картинки — это индивидуальное восприятие городского пейзажа. В новых условиях они переполнены особенно сильными эмоциями, которые мы затрудняемся определить.

Что такое *трудная память*, *социальная травма* и *политика памяти* и почему в рамках культурной-социальной антропологии мы являемся свидетелями противостояния этих терминов? Возможный ответ: потому что происходит столкновение целых парадигм. В некотором смысле стратегически конструируя социальные процессы (и отталкиваясь от прорывной идеи Питера Бергера и Томаса Лукмана [Бергер, Лукман 1995] о когнитивном конструировании

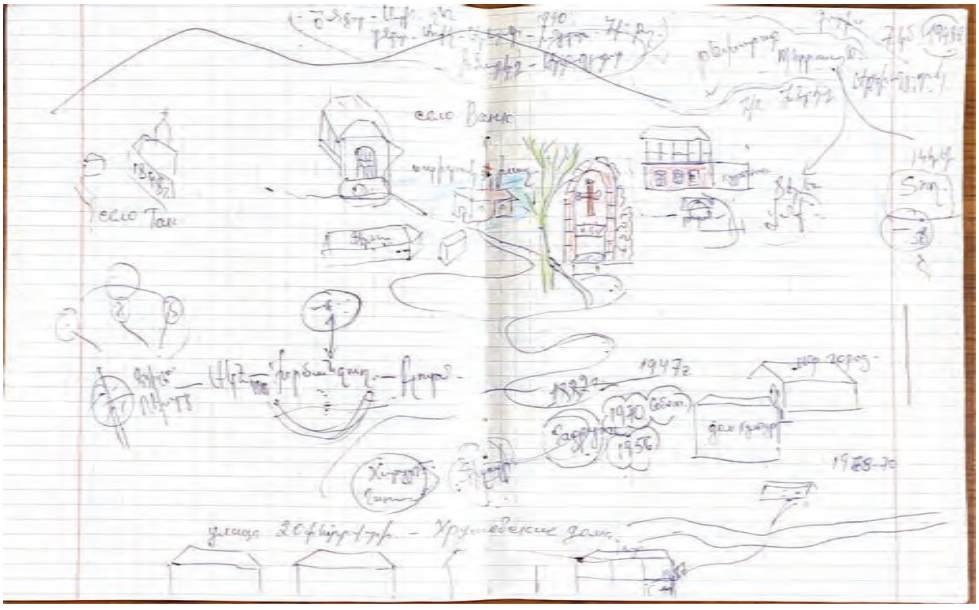
социальной реальности), мы понимаем разницу в номинации, в концептуализации социального явления: производство и ввод в научный оборот понятия *трудной памяти*, то есть проблемного социального опыта, НЕ является эвфемизмом для говорения о групповой и индивидуальной травме, но предлагает иные подходы и интерпретации в понимании и работе с опытом утраты физического пространства, которое уже давно вышло за рамки просто пространства. Не результат (часто неуклюжий рисунок), но сам процесс исследования и коллективной работы мысли в ходе рисования аффективных карт выводил нас, авторов, на новые тропы. Процесс рисования карт открывал новые форматы неподвижности и движения: аффективные карты зарекомендовали себя как интерактивный и чувствительный метод, применимый к переживанию войны и перемещения.

Карта 2. Гаяне. Дорога, ведущая из села Тагасер через Варташат и Сарин-шен
Map 2. Gayane. The road leading from the village of Taghaser through Vartashat and Sarin Shen

Наша первоначальная идея состояла в том, чтобы собрать материализованные в рисунках образы Гадрута как места, засевшего в памяти его бывших жителей, для сохранения индивидуальной и коллективной памяти об утраченном месте. Однако в ходе наших полевых исследований мы поняли: то, что создавали карты, не было фиксированным образом прошлого — или было не только им; это было также и постоянное движение вперед и назад, в прошлое и в настоящее, раскрываемое совместными действиями рассказывания и рисования [Khachaturova 2025: 9]. Это особенно показательно на картах, где, кроме изображения мест, люди писали даты, чертили маршруты и различные топографические (часто оспариваемые) знаки или указывали имена друзей и соседей, рисовали новые тропы на прежде прочерченных линиях по мере того, как поток памяти приводил их к конкретным местам — в моменты времени и в отрезки пространства (см. *Карты 1* и *2*).

Таким образом, метод аффективных карт полностью уводит от общепринятого хронологического ритма биографического интервью, передавая неожиданные способы отношения к своему пространству, а также к акту воспоминания о себе. Вместо того, чтобы сосредоточиться на карте как на готовом объекте, снимке памяти в определенный момент времени, мы, таким образом, сместили наше внимание на движение, которому уступила место эта *интимная картография*.

Карта 3. Женщина-ВПЛ из села Ванк. Интервью, сделанное авторами в Степанакерте в июне 2022 года

Map 3. A woman IDP from the village of Vanq. Interview conducted by the authors in Stepanakert in June 2022

Мы употребляем понятие «движение» не в физическом, а в *ментально-аффективном* смысле — в значении процесса, в котором участники, создавая аффективные карты, перемещаются между прошлым и настоящим, между потерянным и сохраняемым пространством. Это движение — одновременно внутреннее и социальное: рука рисует контуры, память воспроизводит маршруты, голос сопровождает линии рассказом. В момент рисования человек как будто возвращается туда, откуда был вынужден уйти, но не как наблюдатель, а как соучастник, повторяющий путь, производя новые смыслы в области идентичности, преемственности (артикулированное воспоминание о подобном исходе в 1992 году см. на Карте 2) и утраченном месте.

Такое движение не фиксирует память, а воплощает ее в действии, превращая картографический акт в своеобразную перфор-

мативную практику [Low 2017]. Именно поэтому мы говорим, что аффективные карты открывают *новые форматы неподвижности и движения*: даже оставаясь телесно неподвижным, человек активно перемещается в пространстве воспоминаний, пересекает границы и барьеры, заново выстраивает координаты утраченного дома.

Понятие *интимной картографии* [Till 2012; Creet 2011] позволяет обозначить этот тип памяти — *воплощенный, чувственный и совместно производимый*. Это карты не географического, а *эмоционального ландшафта*. В отличие от классических карт, которые стремятся к объективности и нейтральности, интимные карты создаются *изнутри переживания* — они документируют не территорию, а опыт.

Это видимое и легко фиксируемое движение особенно важно в контексте пространственно-временной лиминальности, представляющей неопределенное, подвешенное и опасное прекарное положение гадрутских армян после так называемой 44-дневной войны 2020 года, также как и всех карабахских армян после 2023 года. Действительно, промежуточное положение неустроенной реальности, состояния высокой нестабильности, где прошлое и настоящее, *здесь и там*, лишаются границ, сливаются, а само сознание того, что реально или воображаемо, неопределенно, создало подвижную и открытую среду для (ре-)формулировки дома и идентичности.

В процессе интервью и создания аффективных карт в своих нарративах участники исследования — бывшие жители Гадрута —с разной степенью подробности и эмоциональной вовлеченности пытались воспроизвести преемственность и аффективный пересмотр своей локальной идентичности. Через процесс ментального и визуального картографирования они стремились реконструировать дом унесенный войной, наполняя его новыми очертаниями и смыслами. Их Гадрут — это не просто утраченная география, а пространство, трансформированное в память, чувство и воображение: место, в которое невозможно вернуться физически, но которое продолжает ключевую роль в их нынешней жизни и сообществе.

Погружаясь в этот локальный опыт утраты, мы хотели бы включиться в размышления о так называемой призракологии пространства, наваждении пространством, заимствуя концепт призракологии (hauntology) у Жака Деррида [Derrida 1993]. То, как относятся к пространству участники исследования, можно вообразить через метафору палимпсеста — следа топографии прошлого, на фоне которого развивается Я, встроенное в новое, часто незнакомое окружение. Точно так же, наблюдая за гадрутскими армянами, мы спрашиваем: можно ли ощущать в качестве своих жизненных пространств одновременно два места? Можно ли ассоциировать/связывать свою жизнь сразу с двумя местами, одного из которых больше не существует? Этот вопрос требует, чтобы мы отделили понятие дома от его непосредственной материальной ситуации и поразмышляли

над воплощениями, которые потерянная родина находит в перемещенных социальных, культурных и политических призракология. Применяя метод аффективных карт к нашим интервью, мы пытаемся осмыслить эти сложные пространственно-временные слои опыта потери дома, чтобы поразмышлять о призракологии пространства, формирующего социальную идентичность.

III. Ментальные и/или аффективные карты? «Голограмма» места[6]

Поскольку мы не принимаем дуальности аффекта и когнитивности (ментальности), мы выдвигаем новый картографический подход, где изображение пространства является многослойным опытом, в котором замешаны аффективные, телесные и когнитивные процессы, нарушающие разделение между присутствием и отсутствием, между настоящим, прошлым и будущим, между *там* и *здесь*.

О методе аффективных карт не профессионально говорить без обращения к опыту применения ментальных карт другими исследователями [Gieseking 2013]. Исследования ментальных карт начали развиваться во второй половине XX века, в основном когда урбанисты и социальные географы приняли когнитивный подход к картографии, пытаясь понять, как люди относятся к пространству, в котором они живут, и интегрировать это субъективное знание в городское планирование и инновационные проекты. Литература по ментальному картографированию начинается с оригинальной работы урбаниста-градостроителя Кевина Линча «Образ города» [Линч 1982], в которой исследуются отношения людей с элементами физического города. Это те элементы, которые определяют их жизнь, о которых полезно знать в ходе городского планирования, стремящегося учитывать интересы пользователей. Линч собрал данные о том, как жители Лос-Анджелеса, Джерси-Сити и Бостона ориентируются в кластерах и элементах своих городов и как они воспринимают их. Его работа была в этом смысле знаковым исследованием ментальных карт [Линч 1982][7]. Точно так же Гулд и Уайт изучали ментальные карты как набор образов пространства, в котором живет человек, пытаясь понять его поведение и предпочтения при навигации в этом пространстве [Gould, White 1986]. Сосредоточение внимания на субъективных и когнитивных аспектах помогло продвинуться в эпистемологических исследованиях и под-

[6] [Buhr 2021: 60].

[7] Предположительно, наши аффективные карты формируются в условиях чрезвычайно высокой эмоциональной напряженности, задаваемой как ситуацией утраты, так и процессом ее осмысления. В то же время нельзя исключать, что и участники исследования Кевина Линча создавали свои карты в аффективном режиме — хотя и при значительно меньшей интенсивности переживаний.

ходах к идее картографирования, поскольку метод позволил интегрировать в себя (то есть картографирование, рисование индивидуальных карт своего жизненного пространства) когнитивные, эмоциональные аспекты и аспекты идентичности. Последнее было уже не только делом математических расчетов, масштабирования и диаграмм, но результатом сложной системы взаимосвязей личности и материальной среды. Метод Линча (участники его исследования — пользователи — зарисовывали, описывали и маркировали карты) послужил основой для других исследований с применением ментальных карт. Хотя понимание пространственных знаний и значительно возросло с 1960 года, метод и аналитика Линча продолжают оставаться де-факто описанием использования метода, поскольку ученые беспрестанно возвращаются к его работе, вместо того чтобы проводить всестороннее изучение метода в разны х исследованиях [см. Campos-Delgado 2017; Mekdjan 2015; Psarras 2025; Jodelet, Milgram 1976; Malkki 1995]. Хороший обзор этого метода дается в работах в основном социальных географов и социологов — специалистов по изучению границ [Gould, White 1986].

Особенно экскурсы в многогранность метода, которые мы попробуем отобразить ниже, интересны в сравнении с нашим опытом в поле. На самом обобщенном уровне аффективное картографирование позволяет взглянуть на то, как люди «создают и воспринимают пространство, формы пространственного интеллекта и динамику отношений между человеком и окружающей средой, начиная от мельчайших переживаний повседневной жизни и заканчивая более крупными структурными дискриминациями, угнетениями» [Milgram, Jodelet 1976]. В нашем кейсе аффективного картографирования спектр также широк — от глубоко личных переживаний А., молодой женщины из села Туми, и И., молодого человека из села Джракуйс, до трудно дающегося, с еле сдерживаемыми слезами рисования локусов военного противостояния с азербайджанцами во фронтальном бою и маршрутов ухода от летального насилия вместе с раненными сельчанами-соратниками аффективных карт В. из райцентра Гадрута и Н. из села Драхтик[8].

В последующие десятилетия ментальные карты все чаще использовались в междисциплинарных исследованиях в психологии, социальных науках, антропологии, искусстве и феминистской литературе. Поворот к визуальным методам, дополняющим традиционные методы исследования в социальных науках, особенно преобладает в изучении миграций [Mekjian, Olmedo 2016; Buhr 2021], памяти [Reavey 2017], эмоций [Massumi 2002, 2015; Psarras 2025] и

[8] В частности, аффективное картографирование предлагает представление индивидуальной или групповой когнитивной карты, нарисованной от руки, или добавление и маркировку уже существующей карты (последний метод использовали Эвия Карапетян и Тигран Амирян в рамках проекта о Шуши).

безопасности [Mekdjan 2015]. Как показали эти разнонаправленные исследования, ментальное картографирование сопряжено как с эпистемологическими, так и с методологическими проблемами, которые не могут обойтись без критического подхода к знанию, содержащемуся в карте человека, и к тому, как она передается [Jung 2012; Mekdjan 2015], — что не удалось разрешить более ранним исследованиям-урбанистам. Действительно, ментальные карты — это не нейтральные представления о пространственных знаниях, содержащихся в сознании человека, а результат культурно и политически переживаемого мира. Более того, они несут следы динамики власти, конституирующей отношения между участником исследования и исследователем. Ментальные карты также не являются пассивными носителями информации (что подтверждается и в ходе нашего исследования). Как отмечает Юнг, они также могут быть «процессами самовыражения, посредством которых рисующие договариваются о своей идентичности по отношению к потенциальной аудитории» [Jung 2012: 990].

Как показала Элизабет Вуд в своем исследовании борьбы восставших против навязанных государством прав собственности сальвадорских крестьян, карты, нарисованные этими крестьянами, свидетельствовали о спорных системах ценностей и эмоциональной динамике, побуждающих их к участию в повстанческой деятельности [Wood 2003: 46]. Границы, появляющиеся на отдельных картах, таким образом, часто включают в себя социальные и культурные модели, альтернативные навязанному государством разделению пространства, и проецируются на доминирующую картографию, произвольно упорядочивающую социальные и политические разделения. Происходит процесс утверждения свободы воли (который Вуд называет «удовольствием от свободы воли»), когда субъект бросает вызов этим навязанным сверху границам [Wood 2003: 18]. Этот процесс оспаривания может быть как преднамеренным (как это было в случае с повстанческими лагерями Вуд), так и непреднамеренным. Действительно, в своем исследовании о том, как мигранты сталкиваются с проблемой пересечения границы, французский социальный географ Сара Мекджян показывает, как участники раскрывают с помощью своих карт различные способы пересмотра властных отношений, составляющих основу аппарата безопасности, развернутого против них, выражая накопленные практические знания, эмоции и ценностные суждения, выработанные посредством их опыта ограниченной мобильности. В соответствии с этими результатами Мекджян задается вопросом: «Как можно использовать картографию в качестве важного инструмента для альтернативного политического устройства современных границ?» [Mekdjan 2015]. В то время как «ментальность» карты имеет тенденцию указывать на когнитивное, репрезентативное отноше-

ние к пространству в отличие от непосредственно воплощенного отношения, из большинства исследований, применяющих ментальные карты, становится ясно, что телесное измерение как запоминания, так и рисования является тут центральным. На самом деле процесс ментального картографирования неотделим от аффективного взаимодействия с реальностью, как ментальной, так и объективной, если предположить, что такие категории вообще имеют какое-либо значение. Сам процесс рассказывания (или рисования) ментальной карты следует рассматривать как сенсорный опыт. Для Мекджян и Олмедо создание «нарративных и чувственных картографий» в их совместной работе с женщинами-мигрантами указывает на карту как на инструмент для поддержки повествования, а не просто дополнение к нему [Mekdjian, Olmedo 2016: 11]. Задействовав различные слои опыта, такие как память, аффективное отношение к пространству, дискурсивные случайности, опыт ментального картографирования пересекается с многогранными представлениями о настоящем Я и с его воспроизводством [Reavey 2017: 107]. К более поздним работам о методе относятся работы российских авторов [Веселкова, Прямикова, Вандышев 2022; Веселкова 2010; Стрельникова 2012].

Ментальное/аффективное картографирование, таким образом, несмотря на внушительный корпус литературы, все еще экспериментальный метод. Ментальные карты, тем не менее, используются для решения различных исследовательских задач.

Городской масштаб: в прикладных исследованиях городского планирования ментальные карты широко использовались в исследованиях миграции как способа понимания пространственности мигрантов и мигрантами: от формирования чувства места до географии городской сегрегации [Pezzoni 2013]; от изображения пространств принадлежности к отображению пространств исключения [Silva, Fonseca 2018].

Межстрановой масштаб: исследование представлений и стереотипов о соседней стране (см. исследование Вирпи Кайсто и Ольги Бредниковой о восприятии Финляндии и России среди российских и финских школьников [Kaisto, Brednikova 2019]).

Наше исследование: использование метода для восстановления повседневной и эмоциональной географии, а также чувства места, ныне утраченного. Это важно ввиду того, что о Нагорном Карабахе написано немало — в историческом, этнографическом и политическом ключе. Однако крайне мало известно о том, как люди жили там до последней стадии войны, как они ежедневно эмоционально переживали это место. Связные повествования почти не зафиксированы — они рассеяны в устных рассказах и постах в интернете. Теперь, когда место утрачено, эти воспоминания становятся особенно ценными, а задачей исследования становится помощь сообществу в осмыслении этого опыта жизни на «невозвратимых

землях» и фиксации его всеми возможными способами — включая сбор нарративов и аффективных карт. В отличие от большинства предыдущих кейсов, где ментальные карты использовались преимущественно для анализа городской пространственности и мобильности [Pezzoni 2013, 2016] — то есть для отображения различий в социальном планировании, маршрутов передвижения, локализации принадлежности и исключения в актуально существующих пространствах, — и от работы Бредниковой и Кайсто, сосредоточенной на восприятиях и стереотипах соседних стран в среде школьников, — предположительно, наш случай отличается как по масштабу, так и по аффективному фокусу.

Мы работаем не с городской тканью или образами соседства, а с исчезнувшими местами и опытом утраты пространства, в нашем случае — с воспоминаниями гадрутских армян, которые теперь не имеют доступа к своим домам. Аффективное картографирование здесь становится способом восстановления, возможно, больше несуществующей географии, способом материализации памяти о месте, переживаемом через страдание, воображение и тоску. Таким образом, в нашем исследовании метод используется не для фиксации пространственных практик, а для воссоздания эмоционально-пространственного опыта, утратившего физическую опору.

Однако из наших экспериментов с аффективными картами вышло то, что это мысленное и заряженное чувствами движение не часто обсуждается в литературе. Это эмоциональное и когнитивное движение, которое хоть и не стало результатом экспериментов (не «вышло из них»), но раскрывают аффективные карты, движение, которое мы называем здесь движением аффекта.

Это относится не только к самому движению руки при рисовании, но и к различным отношениям, которые оно поддерживает между движениями воспоминания, чувствования (которое в своем эмоциональном измерении движимо чем-то) и представления мысленно и физически (на бумаге). Речь идет не столько о ручном процессе рисования, сколько о конфигурации отношений, возникающих между движением памяти, аффективным переживанием и практиками воображения и репрезентации — как мысленной, так и зафиксированной на бумаге. В этом смысле аффект функционирует как медиатор между слоями опыта — прошлыми, настоящими и потенциальными будущими. Другими словами, аффект здесь является связью между различными слоями опыта настоящего, но также и прошлого, и того, что он проецирует, производит в будущем.

Так, например, в ходе одной из наших сессий с аффективными картами (*Карта 1*) молодой мужчина С. из села Акнахпюр (Агбулаг), отец троих детей, в глубоком, почти медитативном отчаянии более часа подробно выписывал каждое деревце своего сада, свой

дом, который было видно в бинокль из нового места их проживания. Одновременно он рассказывал, что видел в TikTok ролик, где азербайджанцы, вернувшиеся в их село, демонстративно выносят вещи из его дома, сопровождая свои действия словами: «Это приданое Тани». (По его словам, это был их бывший сосед-азербайджанец, который, придя в село после 2020 года, вспомнил имя невестки хозяйки дома — Тани, принесшей когда-то свое приданое в дом соседей. Таким образом, в поствоенном контексте акт мародерства сопровождался демонстрацией адресного знания и намеренной символической жестокости.) При этом азербайджанцы в том рилсе звали армян вернуться и снова жить вместе. После долгой паузы Сёма произнес: «Оставьте все себе, мне не надо, живите сами, без нас». В этой «семейной» аффективной карте Сёмы, скрупулезно и с дотошностью нарисованной им после пары часов отстраненного наблюдения за процессом рисования карты его родителями (Р. и Г., которые в процессе советовались с его женой Сёмы), на карте проявились сразу несколько временных и аффективных пластов: горечь и миражи настоящего, неосознанная тогда сладость утраченного прошлого и отрекаемая участником перспектива будущего (то есть, предложенного азербайджанцем через социальные медиа совместного проживания). Этот случай наглядно показывает, как аффективное картографирование связывает телесное движение рисования с когнитивным движением памяти, чувства и воображаемого, позволяя аффекту циркулировать между прошлым, настоящим и возможным.

Или же случай с картой М., пожилой женщины, которая рисует свое многострадальное село Аракюль и говорит о нем через биографии сельчан [Massey 1994]. Село пострадало от жестокой операции «Кольцо», организованной общими усилиями частей МВД СССР и ОМОНа Азербайджана в 1991 году. Оно переходило из рук в руки, было разрушено и сожжено дотла («Бездействие закона при содействии ОМОНа», — проговорила М. на русском языке с характерным карабахским акцентом). Твердой рукой она отмечала локусы, специальные места памяти на карте своей деревни, где имело место асимметричное насилие — изнасилование шестнадцатилетней В.; пытка Г. верзилами ОМОНа. Вот лес, через который в 1991 г., спасаясь, сельчане всех возрастов, пробирались в ночи в соседнее армянское поселение; возвращение в село в 1992 г. после успехов армянской армии обороны. М. рассказывает про возрождение и процветание села до 2020 г. «И вот снова по кругу (или круг разорвался), снова села нет; в этот раз вернемся ли?», — говорит М. Она сетует, что «нет ночи, чтобы село не снилось… — как мед во сне и как яд при пробуждении».

Заимствованная из традиции эмпиризма, в частности, из философов-прагматиков, таких как Уильям Джеймс и Анри Бергсон, дихотомия «субъект — объект» или «разум — тело» здесь должна быть

опровергнута. «Нет мыслевещества, отличного от субстанциального вещества», — писал Джеймс [James 1912/2010]. Что еще более важно, сама мысль должна рассматриваться как действие, согласно Джеймсу, так что «каждое действие имеет степень ментальности, пропорциональную его способности удивлять» [Massumi 2015: 211]. Важны сами отношения и то, что они производят, что ускользает от предустановленных схем бытия и действия. В связи с этим мы предлагаем взглянуть на акт ментального отображения через призму аффекта в смысле широко распространенного определения, которое Спиноза дал понятию аффекта: «способность тела воздействовать и подвергаться воздействию» [Spinoza 1954]. Для Брайана Массуми аффект — это «просто движение тела, рассматриваемое с точки зрения его потенциала — его способности возникать, или, лучше, возникнуть и/чтобы сделать» [Massumi 2015: 5].

Соответственно, один из эвристических подходов к аффективным/ментальным картам — это непредсказуемость, содержащаяся в самом *событии* аффективного карт(ограф)ирования. «Что может тело?» — спрашивает Спиноза. Это открытый вопрос, поскольку каждая ситуация, каждая социальная конфигурация (или, в терминах Делеза, «агентивность») открывает новые возможности для действия и мысли. В то время как аффективная карта является своего рода фиксацией восприятия, памяти о пространстве, она вводит новую конфигурацию, которая потенциально раскрывает новые способы отношения к пространству, принадлежности к группе. В соответствии с этим пониманием аффекта мы предлагаем рассматривать метод ментальной картографии как *событие* в смысле, который вкладывает в этот термин Брайан Массуми, то есть как «место аффективной политики, где можно ожидать появления альтернатив». «Аффективная политика, понимаемая как эстетическая политика, диссенсуальна в том смысле, что она удерживает вместе противоположные альтернативы, не требуя немедленного возникновения одной альтернативы и исчезновения других», — пишет Массуми [Massumi 2015: 68]. Однако, в отличие от «интервенционистского» прочтения события, принятого Массуми, мы исходим из того, что само изменение в подходе, используемом в нашей полевой работе, не может быть вызвано искусственно. Оно проявляется как функция лиминальной ситуации, в которой находились гадрутские армяне во ходе нашей встречи. Другими словами, *событие* не поглощается картой: мы не утверждаем, что люди не способны переживать эти сложные отношения и изменение «силы [их] существования» вне процесса рисования аффективной карты, хотя и не можем этого опровергнуть. Тем не менее сам процесс создания аффективной карты делает определенные аспекты переживания утраты воспринимаемыми и «мысленно-чувствуемыми» [Massumi 2015: 68].

Важно подчеркнуть, что этот проект возник не только по нашей инициативе, но и как ответ на запрос со стороны самих гадрутских беженцев, проживающих в Ереване (такая солидарность премного помогла в организации поля). В некотором роде триггером для него послужила вышеупомянутая презентация книги «Шуши. Ментальные карты» в 2021 году. Этот механизм, то есть опубличивание (в частности, активистками организации «Дизак-Арт») запроса перемещенных жителей Гадрута, стал практически стержнем настоящего исследования. Группа женщин, много лет сотрудничавших в сфере образования в Гадруте, создала свои образовательные инфраструктуры в Армении — в Ереване, Масисе, Абовяне. «Дизак Арт» в статусе НПО удалось организовать бурную деятельность в самых разных направлениях — от защиты уникального гадрутского диалекта (через театральные постановки, концерты и перформансы с пересказыванием устных историй на разных общественных площадках) до организации художественных выставок о Гадруте. Подобный род деятельности предполагает колоссальный охват потенциальных участников исследования в трех поколениях — как детей школьного возраста, так и их родителей и бабушек-дедушек (в виду экстренной эвакуации из своих домов в Гадруте семьи вынуждены были селиться в Ереване скученно, как минимум трехпоколенно). Для большинства участников, проинтервьюированных в Ереване, после потери Гадрута было даже сложнее вернуться в поствоенный Карабах 2020-х, который был без Гадрута, и они предпочли остаться в Ереване, в то время как другая часть гадрутцев все же вернулась в Карабах в качестве внутренне перемещенных лиц. С обеими группами мы провели нарративные интервью вкупе с рисованием аффективных карт — в Армении и в Карабахе, — однако в Армении исследовательский процесс прошел гораздо более слаженно, легко и эффективно. В Ереване благодаря работникам «Дизак Арт» мы управились с бóльшим количеством семейных, двухпоколенных интервью и карт, чем в Карабахе. Такая работа над интервью и картами с родителями и детьми одновременно отличались большей стереоскопичностью и интерактивностью.

Одним из способов вовлечь беженцев в процесс рисования аффективных карт было предложение: «Расскажите о *своем* Гадруте с помощью рисунка — пусть неловкого, схематического, не совпадающего с масштабом и представлениями других соотечественников». Мы объясняли, что здесь не важны художественные навыки или географическая точность — значение имеет то, каким человек помнит и чувствует свое место. В отличие от предыдущего исследования об утраченном Шуши, мы не предлагали готовых контурных карт, а просили участников самостоятельно нарисовать *свой* Гадрут на чистом листе бумаги, начиная, например, с дома и ближайших мест повседневной жизни, позволяя рисунку *вести нас* по их памяти.

Наши собственные ожидания в ходе исследования были следующие: благодаря этому методу аффективных карт мы сможем извлекать пространственные и эмоциональные переживания людей, потому что рисование карты вызывает воспоминания. Один наносимый на идиокарту пространственный объект (то есть специальное место, локус, идиоединица аффективной карты), окутанный облаком присущих или приписываемых этому месту чувств и воспоминаний, приведет к другому, и так сложатся личные эмпирические географии Гадрута. Так город удастся реконструировать в качестве идиопространства. Что мы получили в качестве результата? Картирование было способом проникнуть в восприятие и воспоминания людей об этих местах, не задавая вопросов напрямую. К тому же с помощью картирования и сопровождающего повествования мы смогли реконструировать, перевоспроизвести (или сгенерировать) способы чувственного и эмоционального взаимодействия людей с этим местом после его утраты.

Наша исходная гипотеза состояла в том, что процесс рисования вызовет воспоминания и эмоции, связанные с прежним пребыванием в этом пространстве. Один объект рисования на карте, то есть единица картинки на карте личной географии, приводил к другому, и постепенно возникала личная, эмпирическая география Гадрута, соединяющая прошлое и настоящее переживание места. Так, город удастся реконструировать в качестве *идиопространства* — уникальным субъективным пространственным языком памяти. В результате мы получили не столько реконструкцию Гадрута как физического города, сколько возможность наблюдать, как участники в настоящем моменте заново проживают и артикулируют свои связи с утраченным местом. Картирование стало инструментом не прямого опроса, а мягкого «извлечения» воспоминаний и эмоциональных откликов. Оно позволило не просто восстановить прошлое, но проявить способы, которыми люди сейчас переживают, вспоминают и осмысляют *свой* Гадрут после утраты [Шахназарян, Хачатурова, Никифорова 2022]. Здесь речь идет о двойственном взаимодействии: с одной стороны, участники воспроизводили прошлый опыт проживания в Гадруте, с другой — этот опыт актуализировался в момент рисования, то есть становился чувственно переживаемым здесь и сейчас. Мы тем не менее интерпретировали извлеченные воспоминания как относящиеся к прошлому — по темпоральным и нарративным индикаторам самих рассказов.

Мы разговаривали с карабахцами о Гадруте, о методе аффективных карт и просили их нарисовать свою жизнь — нарисовать ее словами и карандашом на бумаге. «Я знаю, что вам должно быть трудно это вспоминать», — говорили им мы, совершенно не уверенные в том, что делаем все правильно. «Но, может быть, вы расскажете мне о своем городе? О любимых местах. Что вам больше

всего запомнилось? Пожалуйста, покажите мне свои места и помогите увидеть Гадрут вашими глазами. Так, вооружившись карандашами и сочувствием и симпатией друг к другу, мы начинали совместную прогулку по городу», — так описывала наш полевой опыт Елена Никифорова [Шахназарян, Хачатурова, Никифорова 2022]. В этом методе, как мы узнали из первых интервью, для нас важен не столько получившийся рисунок, сколько сам процесс его создания. Рисование карты работает как инструмент для обновления и организации памяти. Наш собеседник рисует карту, попутно рассказывая нам о пространстве, о его важных, знаковых местах и о чувствах, связанных с этими местами. Сам процесс рисования актуализирует место, воссоздает это место в памяти, запускает воспоминания, а похож ли рисунок на карту — неважно. Даже самый неловкий рисунок позволяет организовать воспоминания, расставить их по местам, привязать к пространству и тем самым упорядочить их. В ходе беседы мы воссоздавали эмоциональную географию жизни в ее продолжительности, выявляли любимые и нелюбимые, значимые для интервьюируемых места, ставшие таковыми с течением времени, прописывали привычные, повторяющиеся маршруты и устойчивые, стабилизированные эмоции, часто порожденные событиями, происходящими в этих местах и укорененными в них.

Мы часто заканчивали наши беседы с рисованием в смешанных чувствах. Участник исследования нередко выдыхал: «Как будто я побывал в Гадруте». В такие минуты мы не слишком понимали, хорошо это или плохо. Однако уже после первых бесед, можно было видеть ценность нашего исследования, которую, хотелось бы надеяться, смогут признать и его участники. На наших глазах в этих беседах возникал сборник эмоциональных, очень личных и даже во многом поэтичных описаний города и местности, которые впоследствии могут стать основой коллективной эмоциональной памяти об утраченном доме и родине и создания общего пространства для ностальгии и передачи этой памяти будущим поколениям.

Заключение

Аффективное картографирование, как показал наш опыт, является не инструментом фиксации прошлого в его неизменной форме, а скорее способом воплощения воспоминания, в котором прошлое и настоящее переплетаются. Когда участники рисовали дома, улицы и деревья, они не просто *восстанавливали* Гадрут в памяти — они актуализировали связь с ним, заново проживая телесно и эмоционально свою утрату. Это делает метод особенно значимым для исследовательских практик, обращенных к травматическому опыту изгнания и утраты дома: в момент рисования и рассказа воспоминание становится событием, а чувство — способом знания.

Такое взаимодействие памяти и аффекта позволяет исследователю наблюдать процесс, который можно описать как аффективную репродукцию места: город воссоздается не на бумаге, а в межчеловеческом пространстве между исследователем и участником, в движении карандаша, дыхания, в переходе с прошедшего времени на настоящее. По словам Массуми, аффект — это не просто эмоция, а «интенсивность, которая предшествует ее осмыслению» [Massumi 2002]; в нашем случае именно эта интенсивность становится материалом памяти.

Следуя этому пониманию, мы рассматриваем аффективные карты как идиопространства — уникальные топографии личного опыта, подобные идиолектам в языке. Каждая карта выражает не только географию утраченного города, но и индивидуальные ритмы памяти, различия между мужскими и женскими, взрослыми и детскими взглядами на пространство. Через эти карты возникает возможность увидеть, как память, язык и телесное действие рисования совместно формируют эмоциональную географию постутраты.

Для исследователей подобное взаимодействие открывает двойную перспективу: с одной стороны, оно позволяет зафиксировать, как прошлое переживается в настоящем, а с другой — делает сам процесс картографирования трансформирующим опытом для участников. Многие из них говорили после интервью: «Как будто я снова побывал в Гадруте». Этот опыт не следует понимать лишь как травматическое возвращение — скорее как попытку вновь выстроить связь с местом, пусть даже воображаемую, через совместный акт рисования и рассказа.

Таким образом, метод аффективных карт выступает не просто как эвристический инструмент, но как аффективно-политическое событие [Massumi 2015]: он создает пространство для восстановления достоинства, эмпатии и символического возвращения, где индивидуальная память становится частью коллективного нарратива об утрате и принадлежности (belonging). В этом смысле Гадрут, как и другие утратившие материальное воплощение места, продолжает существовать — в форме *эмоциональной топографии*, рисуемой и проговариваемой его бывшими жителями.

Литература

Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.

Веселкова, Н. В. (2010). Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М), 2010*(31), 2–29.

Веселкова, Н. В., Прямикова, Е. В., Вандышев, М. Н. (2022). Исследовательский фотомэппинг: обсуждение метода. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2022*(4), 39–61. https://doi.org/10.14515/monitoring

Линч, К. (1982). *Образ города*. М.: Стройиздат.

Стрельникова, А. В. (2012). Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении. В А. Б. Гофман, Г. В. Градосельская и др. (Ред.). *Сборник статей VI научно-практической конференции «Современная социология – современной России»*, 665–671. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.

Шахназарян, Н., Хачатурова, А., Никифорова, Е. (2022). Антропология утраченных мест: ментальные/концептуальные карты Гадрута. *Аналитикон*, август 2022. Режим доступа: https://theanalyticon.com/ru/avgust-2022/

Buhr, F. (2021). Migrants' mental maps: Unpacking inhabitants' practical knowledges in Lisbon (Chap. 3). In K. Nikielska-Sekula, A. Desille (Eds.). Visual Methodology in Migration Studies, 51–65. New York: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67608-7_3

Campos-Delgado, A. (2017). A picture is worth a thousand words: Irregular transmigrants' journeys and mental mapping methodology. *International Migration, 55*(6), 184–199. https://doi.org/10.1111/imig.12369

Creet, J. (2011). The migration of memory: Intimate cartographies. In J. Creet, A. Kitzmann (Eds.). *Memory and migration: Multidisciplinary approaches to memory studie*, 3–26. Toronto: University of Toronto Press.

Derrida, J. (1994). *The specters of Marx: The state of the debt, the work of mourning and the new international*. New York, London: Routledge.

Gieseking, J. J. (2013). Where we go from here: The mental sketch mapping method and its analytic components. *Qualitative Inquiry, 19*(9), 712–724.

Gould, P., White, R. (1986). *Mental maps*. New York, London: Routledge.

James, W. (1912). *Essays in radical empiricism*. Project Gutenberg. (2010 eBook edition).

Jodelet, D., Milgram, S. (1976). Psychological maps of Paris. In H. M. Proshansky, L. V. Rivlin (Eds.). *Environmental psychology: People and their physical settings*, 104–124. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Jung, H. (2012). Let their voices be seen: Exploring mental mapping as a feminist visual methodology for the study of migrant women. *International Journal of Urban and Regional Research, 38*(3), 985–1002.

Kaisto, V., Brednikova, O. (2019). Lakes, presidents and shopping on mental maps: Children's perceptions of the Finnish–Russian border and the borderland. *Fennia, 197*(1). https://doi.org/10.11143/fennia.73208

Karapetyan, E., Amiryan, T. (2021). *Shushi: Mental maps*. Yerevan: CSN Lab.

Khachaturova, A. (2025). An anthropology of loss: Exploring the spectral maps of the displaced Armenians from Hadrut, Nagorno-Karabakh. *Ethnopolitics, 2025*, 1–24. https://doi.org/10.1080/17449057.2025.2568282

Low, S. (2017). *Spatializing culture: The ethnography of space and place*. London, New York: Routledge.

Malkki, L. (1995). Refugees and exile: From "refugee studies" to the national order of things. *Annual Review of Anthropology, 24*(1995), 495–523. https://doi.org/10.1146/annurev.an.24.100195.002431

Massey, D. (1994). *Space, place and gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Massumi, B. (2002). *Parables for the virtual: Movement, affect, sensation* (Post-Contemporary Interventions). Durham: Duke University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv11smvr

Massumi, B. (2015). *The politics of affect*. Cambridge: Polity Press.

Mekdjian, S. (2015). Mapping mobile borders: Critical cartographies of borders based on migration experiences. In A.-L. Amilhat Szary, F. Giraut (Eds.). *Borderities and the politics of contemporary mobile borders*, 204–224. London: Palgrave Macmillan.

Mekdjian, S., Olmedo, E. (2016). Médier les récits de vie: Expérimentations de cartographies narratives et sensibles. *M@ppemonde*.

Pezzoni, N. (2013). *La città sradicata. Geografie dell'abitare contemporaneo: i migranti mappano Milano*. Obarrao Edizioni.

Pezzoni, N. (2016). The up-rooted city: Migrants mapping Milan. In G. Marconi, E. Ostanel (Eds.). *The intercultural city: Migration, minorities and the management of diversity*, 89–108. London: I.B. Tauris.

Psarras, B. (2025). City as a poetic database through walking, new media and site interventions: Performing and transforming urban otherness. In H. Pires, Z. Pinto-Coelho, L. Magalhães (Eds.). *Communicating human and non-human otherness*, 145–161. London: Palgrave Macmillan.

Reavey, P. (2017). Scenic memory: Experience through time–space. *Memory Studies, 10*(2), 107–111. https://doi.org/10.1177/1750698016683844

Silva, A. V., Fonseca, M. L. (2018). Mapas mentais e espaços vividos: Imigrantes brasileiros na cidade de Los Angeles. In S. Siqueira (Ed.). *Ligações migratórias contemporâneas: Brasil, Estados Unidos e Portugal*, 101–133. Ed. Univale.

Spinoza, B. (1954). *Ethics*. New York: Dover Publications.

Till, K. E. (2012). Wounded cities: Memory-work and a place-based ethics of care. *Political Geography, 31*(1), 3–14.

Wood, E. (2003). *Insurgent collective action and civil war in El Salvador*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. (In Russian).

Buhr, F. (2021). Migrants' mental maps: Unpacking inhabitants' practical knowledges in Lisbon (Chap. 3). In K. Nikielska-Sekula, A. Desille (Eds.). Visual Methodology in Migration Studies, 51–65. New York: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67608-7_3

Campos-Delgado, A. (2017). A picture is worth a thousand words: Irregular transmigrants' journeys and mental mapping methodology. *International Migration, 55*(6), 184–199. https://doi.org/10.1111/imig.12369

Creet, J. (2011). The migration of memory: Intimate cartographies. In J. Creet, A. Kitzmann (Eds.). *Memory and migration: Multidisciplinary approaches to memory studie*, 3–26. Toronto: University of Toronto Press.

Derrida, J. (1994). *The specters of Marx: The state of the debt, the work of mourning and the new international*. New York, London: Routledge.

Gieseking, J. J. (2013). Where we go from here: The mental sketch mapping method and its analytic components. *Qualitative Inquiry, 19*(9), 712–724.

Gould, P., White, R. (1986). *Mental maps*. New York, London: Routledge.

James, W. (1912). *Essays in radical empiricism*. Project Gutenberg. (2010 eBook edition).

Jodelet, D., Milgram, S. (1976). Psychological maps of Paris. In H. M. Proshansky, L. V. Rivlin (Eds.). *Environmental psychology: People and their physical settings*, 104–124. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Jung, H. (2012). Let their voices be seen: Exploring mental mapping as a feminist visual methodology for the study of migrant women. *International Journal of Urban and Regional Research, 38*(3), 985–1002.

Kaisto, V., Brednikova, O. (2019). Lakes, presidents and shopping on mental maps: Children's perceptions of the Finnish–Russian border and the borderland. *Fennia, 197*(1). https://doi.org/10.11143/fennia.73208

Karapetyan, E., Amiryan, T. (2021). *Shushi: Mental maps*. Yerevan: CSN Lab.

Khachaturova, A. (2025). An anthropology of loss: Exploring the spectral maps of the displaced Armenians from Hadrut, Nagorno-Karabakh. *Ethnopolitics, 2025*, 1–24. https://doi.org/10.1080/17449057.2025.2568282

Low, S. (2017). *Spatializing culture: The ethnography of space and place*. London, New York: Routledge.

Lynch, K. (1982). *The image of the city*. Stroiizdat. (In Russian).

Malkki, L. (1995). Refugees and exile: From "refugee studies" to the national order of things. *Annual Review of Anthropology, 24*(1995), 495–523. https://doi.org/10.1146/annurev.an.24.100195.002431

Massey, D. (1994). *Space, place and gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Massumi, B. (2002). *Parables for the virtual: Movement, affect, sensation* (Post-Contemporary Interventions). Durham: Duke University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv11smvr

Massumi, B. (2015). *The politics of affect*. Cambridge: Polity Press.

Mekdjian, S. (2015). Mapping mobile borders: Critical cartographies of borders based on migration experiences. In A.-L. Amilhat Szary, F. Giraut (Eds.). *Borderities and the politics of contemporary mobile borders*, 204–224. London: Palgrave Macmillan.

Mekdjian, S., Olmedo, E. (2016). Mediating life stories: Experiments in narrative and affective mapping. *M@ppemonde.* (In French).

Pezzoni, N. (2013). The uprooted city. Geographies of contemporary dwelling: *Migrant mapping in Milan.* Obarrao Edizioni. (In Italian).

Pezzoni, N. (2016). The up-rooted city: Migrants mapping Milan. In G. Marconi, E. Ostanel (Eds.). *The intercultural city: Migration, minorities and the management of diversity*, 89–108. London: I.B. Tauris.

Psarras, B. (2025). City as a poetic database through walking, new media and site interventions: Performing and transforming urban otherness. In H. Pires, Z. Pinto-Coelho, L. Magalhães (Eds.). *Communicating human and non-human otherness*, 145–161. London: Palgrave Macmillan.

Reavey, P. (2017). Scenic memory: Experience through time–space. *Memory Studies, 10*(2), 107–111. https://doi.org/10.1177/1750698016683844

Shakhnazaryan, N., Khachaturova, A., Nikiforova, E. (2022). Anthropology of lost places: Mental/conceptual maps of Hadrut. *Analitikon*, August 2022. https://theanalyticon.com/ru/avgust-2022/ (In Russian & Armenian).

Silva, A. V., Fonseca, M. L. (2018). Mental maps and lived spaces: Brazilian immigrants in the city of Los Angeles. In S. Siqueira (Ed.). *Ligações migratórias contemporâneas: Brasil, Estados Unidos e Portugal*, 101–133. Ed. Univale. (In Portuguese).

Spinoza, B. (1954). *Ethics*. New York: Dover Publications.

Strelnikova, A. V. (2012). The method of the biographical walk: Interview in the spatial dimension. In A. B. Gofman, G. V. Gradosel'skaja (Eds.). *Proceedings of the VI Scientific and Practical Conference "Contemporary Sociology – to Contemporary Russia"*, 665–671. Izdatel'skij dom Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaja shkola jekonomiki". (In Russian).

Till, K. E. (2012). Wounded cities: Memory-work and a place-based ethics of care. *Political Geography, 31*(1), 3–14.

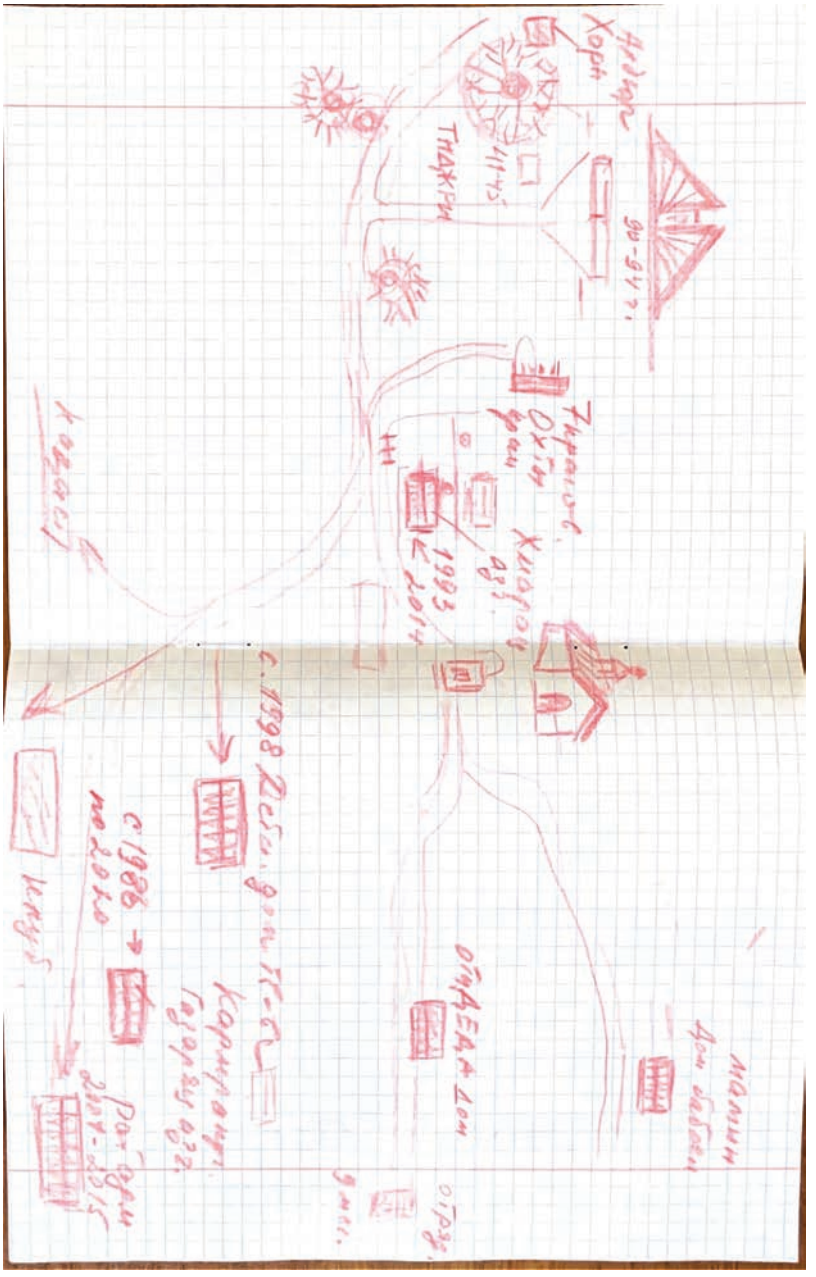
Veselkova, N. V. (2010). Mental maps of the city: Methodological issues and practices of use. *Sociology: Methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M), 2010*(31), 2–29. (In Russian).

Veselkova, N. V., Pryamikova, E. V., Vandyshev, M. N. (2022). Research photomapping: Discussion of the method. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2002*(4), 39–61. https://doi.org/10.14515/monitoring (In Russian)

Wood, E. (2003). *Insurgent collective action and civil war in El Salvador*. Cambridge: Cambridge University Press.

Приложение

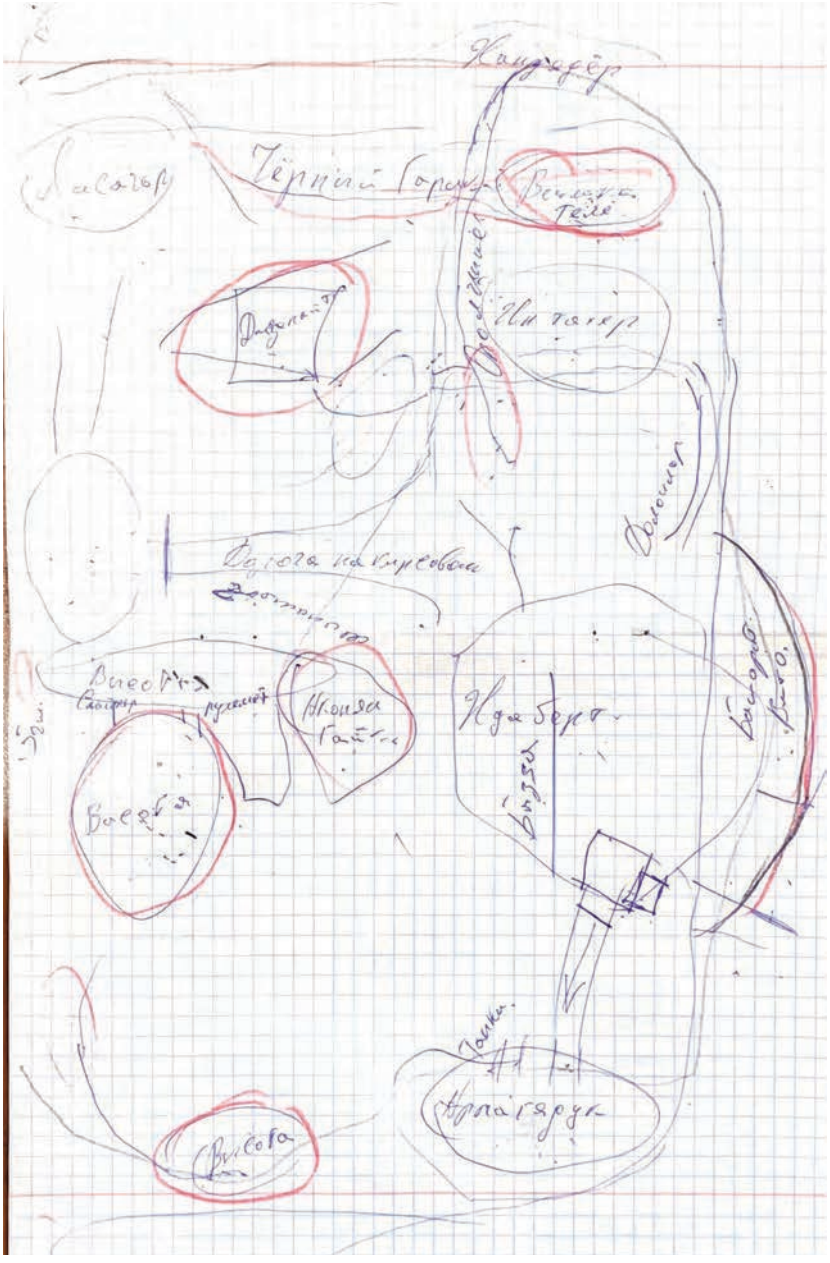
Описание аффективных карт / Affective Maps' description

1. Аффективная карта Гадрута, Александра, учитель музыки. Степанакерт, групповое интервью с преподавателями по классу фортепиано в музыкальной школе, Степанакерт, июнь 2022 года. (Анита Хачатурова)

Alexandra — Hadrut

Affective map of Hadrut by Alexandra, a music teacher. Conducted during a group interview with piano instructors at the Stepanakert Music School, Stepanakert, June 2022. (Collected by Anita Khachaturova)

2. Ангел (это имя мужчины – Ангел Галстян) Степанакерт. Аффективная карта Хытзаберда, Гадрутский район, Ангел (Галстян), помощник министра по территориальному урегулированию Айка Ханумяна, описывает оборону села, точнее — военные действия до перемирия 9 ноября и оборону поста Хытзаберд после 9 ноября 2020 года. Степанакерт, Администрация Президента, июнь 2022 года. (Анита Хачатурова и Нона Шахназарян)

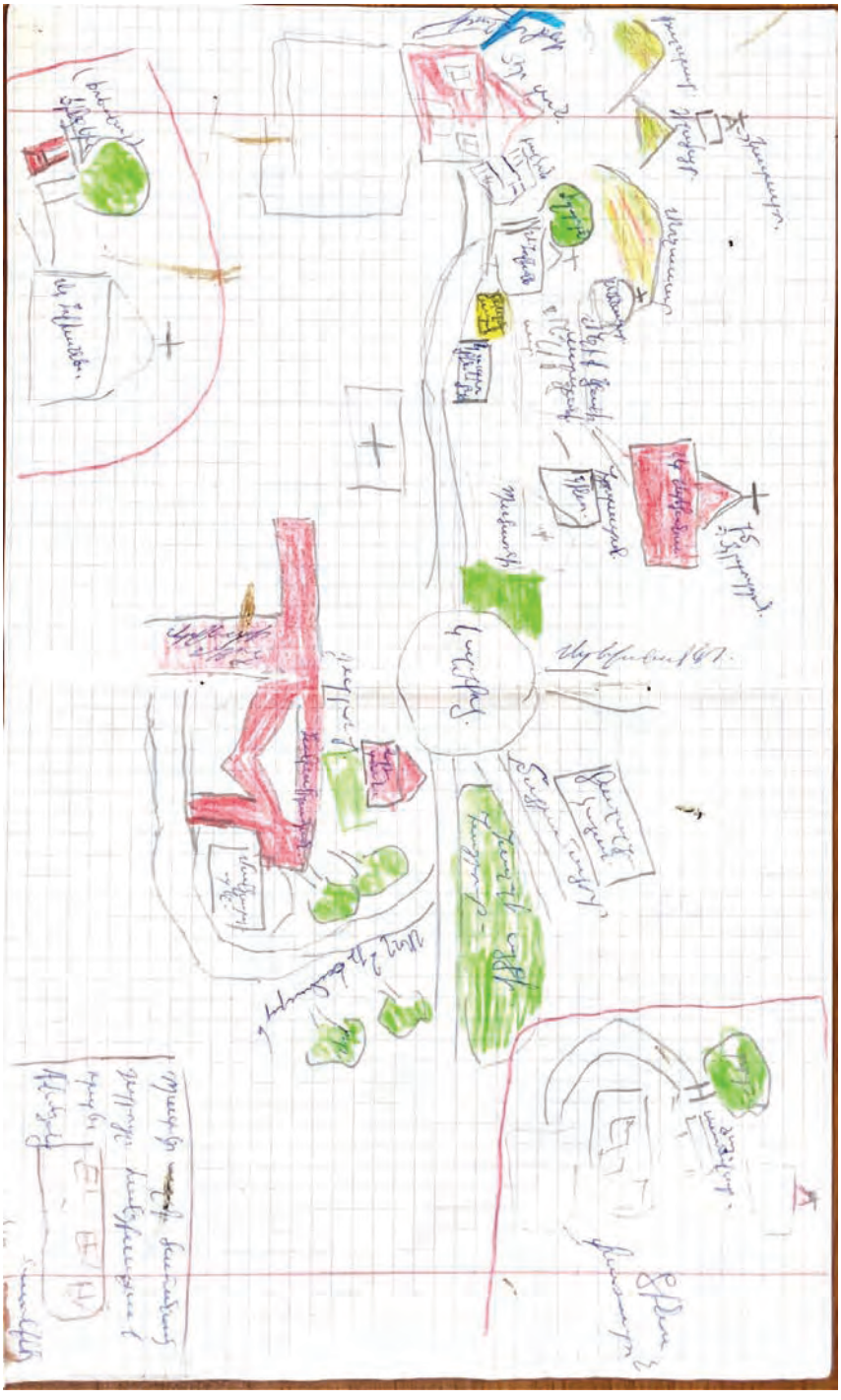
Angel — Khtsaberd, Hadrut District

Affective map of Khtsaberd by Angel (Galstyan), assistant to the Minister for Territorial Administration Hayk Khanumyan. He reconstructs the defense of the village—specifically, the military operations preceding the 9 November 2020 ceasefire, as well as the defense of the Khtsaberd outpost after the ceasefire. Interview conducted at the Presidential Administration, Stepanakert, June 2022. (Collected by Anita Khachaturova and Nona Shahnazarian).

3. Аффективная карта села Акаку, Гадрутский район, Анна, повседневные маршруты и знаковые места. Ереван, студия «Дизак Арт», июнь 2022 года. (Нона Шахназарян)

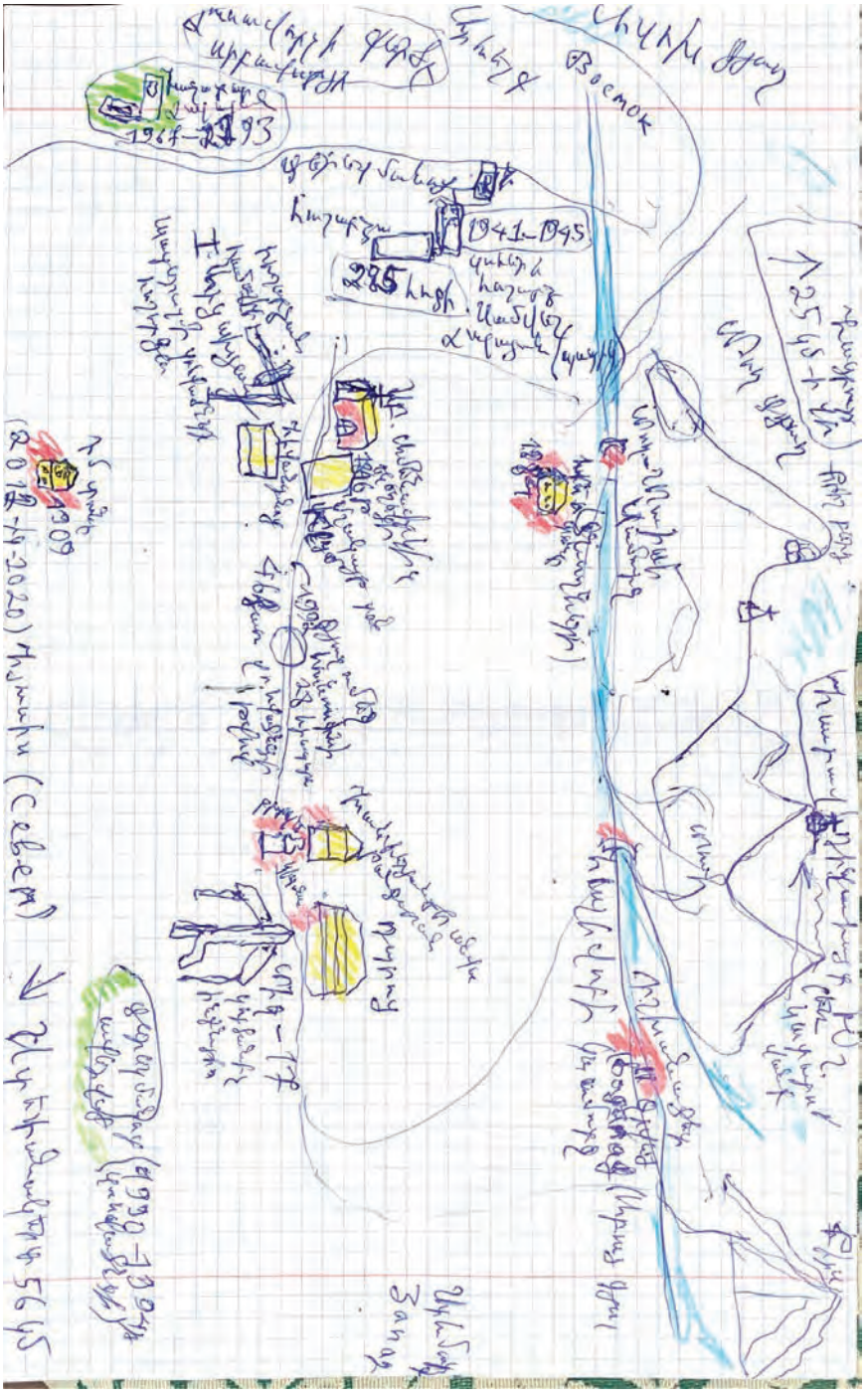
Anna — Hakaku, Hadrut District Affective map of Hakaku by Anna, tracing everyday routes and key landmarks. Yerevan, Dizak Art Studio, June 2022. (Collected by Nona Shahnazarian)

4. Аффективная карта села Тог, Гадрутский район, Ануш, повседневность, средняя школа, школа искусств, дом с верандой и видом на Дизапайт. Ереван, Студия «Дизак Арт», июнь 2022 года. (Нона Шахназарян)

Anush — Togh, Hadrut District

Affective map of the village of Togh by Anush, focusing on everyday life: the secondary school, the school of arts, and her home with a veranda overlooking Dizapayt mountain. Yerevan, Dizak Art Studio, June 2022. (Collected by Nona Shahnazarian)

5. Аффективная карта села Мец Тагер (село Ханферянца), Гадрутский район, Ардзив, профессиональный художник и работник музея в Гадруте. Ереван, Студия «Дизак Арт», июнь 2022 года. (Нона Шахназарян)

Ardziv — Mets Tagher (Khanferyants Village), Hadrut District

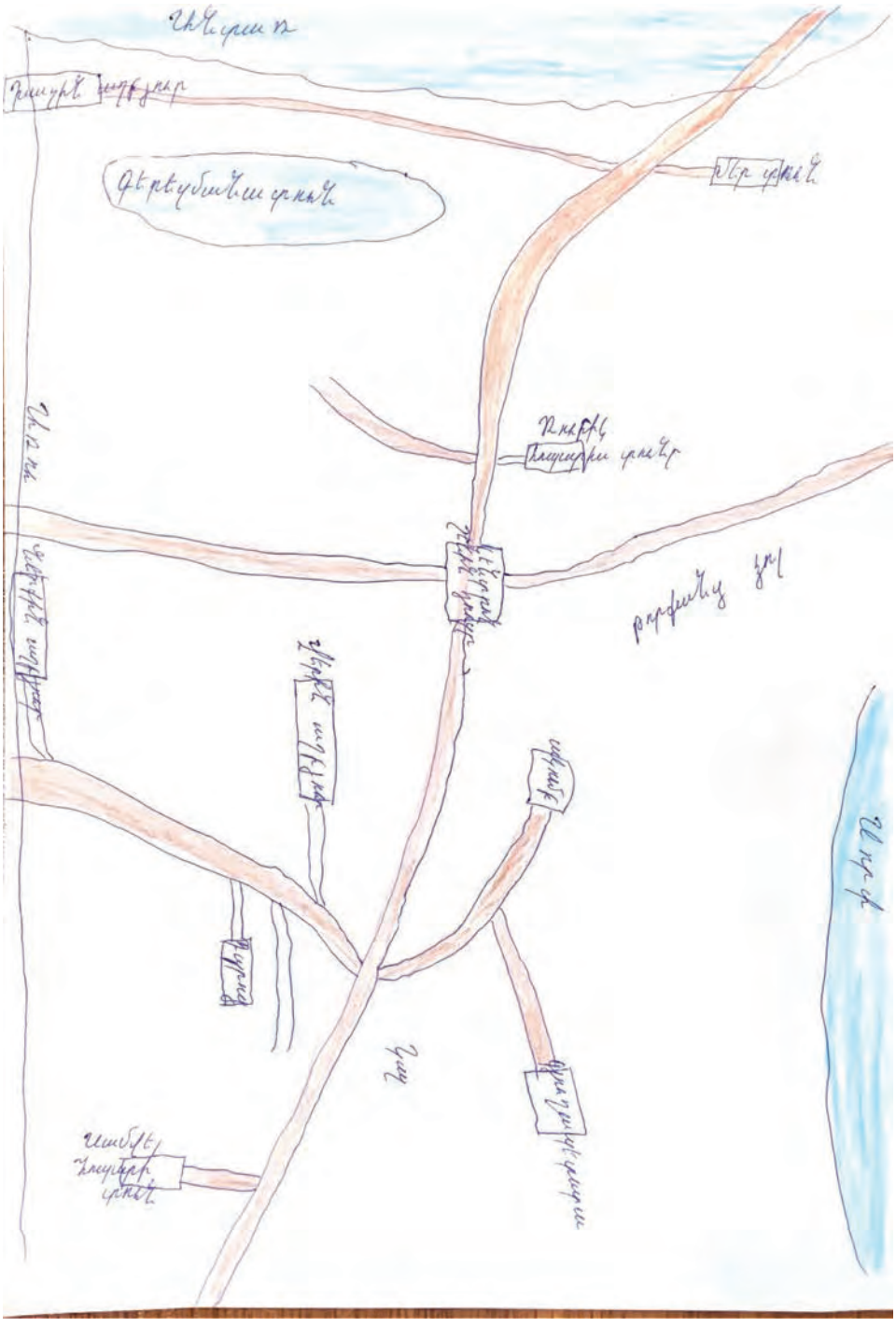
Affective map of Mets Tagher by Ardziv, a professional artist and former museum employee in Hadrut. Yerevan, Dizak Art Studio, June 2022. (Collected by Nona Shahnazarian)

6. Аффективная карта села Тагасер, Гадрутский район, Гаяне. Ереван, повседневность, маршруты покидания родных мест в 90-е и в 2020 году. Ереван, Студия «Дизак Арт», июнь 2022 года. (Анита Хачатурова)

Gayane — Taghaser, Hadrut District

Affective map of Taghaser by Gayane, depicting everyday life and routes of displacement during the 1990s and again in 2020. Yerevan, Dizak Art Studio, June 2022. (Collected by Anita Khachaturova)

7. Аффективная карта села Джракуйс, Гадрутский район, Игорь, повседневность и история села. Село Мачкалашен, Нагорный Карабах, июнь 2022 года. (Нона Шахназарян)

Igor — Jrakuys, Hadrut District

Affective map of Jrakuys by Igor, documenting everyday life and the historical memory of the village. Interview conducted in the village of Machkalashen, Nagorno-Karabakh, June 2022. (Collected by Nona Shahnazarian)